

УДК 39, 930

Е.Ф. ФУРСОВА

**ПРОБЛЕМЫ ТИПОЛОГИИ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ, КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ,
ЛОКАЛЬНЫХ ГРУПП СЛАВЯНСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ:
МУЛЬТИДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД***

Елена Федоровна Фурсова,
д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник,
Институт археологии и этнографии СО РАН
630090, Новосибирск, просп. Акад. Лаврентьева, 17
e-mail: mfl1@mail.ru

Автор анализирует различные подходы к проблеме типологии локальных и конфессиональных групп славянских переселенцев Сибири, принимая во внимание исследования историков, этнографов, физических антропологов. Предлагает свое видение и обоснование в отношении выделения групп старожилов и переселенцев Западной Сибири с учетом их происхождения, закономерностей образования, культурно-бытовой специфики. Показывает, что этнокультурная ситуация в Западной Сибири наилучшим образом подходит для исследования природы и свойств таксономически низких подразделений этносов.

Ключевые слова: типы этнических, этнографических общностей, локальные группы, старожилы и переселенцы Сибири, конфессиональные группы.

E.F. FURSOVA

**PROBLEMS OF TYPOLOGY OF ETHNOGRAPHICAL, RELIGIOUS,
AND LOCAL GROUPS OF SLAVIC SETTLERS IN WESTERN SIBERIA:
A MULTIDISCIPLINARY APPROACH**

Elena F. Fursova,
Doctor of historical Sciences, Leading Researcher,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk 630090, prosp. ak. Lavrentiev 17
e-mail: mfl1@mail.ru

The paper analyzes various approaches to the problem of typology of *ethnographical* (cultural), *local* and *religious* groups of Slavic settlers in Siberia taking into account studies of historians, ethnographers and anthropologists of the XX – early XXI centuries. The author offers her own approach to identifying and providing justification for the Old-Believer and immigrant groups in Western Siberia in terms of their origin, mechanism of development, cultural specifics. The results of research on small ethnic units of Russian (Belarusian, Ukrainian) ethnographical (cultural) groups conducted by historians, anthropologists, and philosophers, were compared with the data obtained by the physical anthropologists who greatly contributed to justification of the ethnic groups typology.

According to the author's view the ethno-cultural situation in Western Siberia is best suited for studying the nature and properties of low taxonomic units, while the future research may reveal changes in surviving ethnographical groups, as well as discover new local and confessional communities of Old-Believers and settlers. The typology of ethnographic groups in Western Siberia must be of "essential" character based on their origins, patterns of formation, resettlement, taking into account the existing mythologem of community consciousness. Each specific ethnographic, confessional or local group has its historical context, as well as a cultural "core", which it was formed around, such as traditional cultural features for *ethnographic* groups, religions for *religious* groups (Old Believers), territorial solidarity (places of origin) for *local* groups (settlers of European Russia). Ethnographic groups may also differ geographically depending on cultural traits variation (Suzun chaldony, Kolyvan chaldony, Altai Kerzhaks and so on). Studies have shown that the majority of ethnographical groups in Western Siberia more or less possesses elements of self-consciousness. As a rule, original external and internal names of these groups are related with their origin, historical homeland, or reflect historical events (real or imagined) in the past.

Keywords: types of ethnic and ethnographic communities, local groups, Siberian Old Believers and settlers, confessional groups.

*Исследование выполнено благодаря финансовой поддержке гранта Российского научного фонда, проект № 14-50-00036.

Внимание к внутренним подразделениям основных этнических общностей в плане описания их конкретных культурно-бытовых особенностей обнаружилось у отечественных этнографов еще в конце XVIII – начале XIX в. (например, труды о «каменщиках», «поляках» Алтая П. Палласа, 1786; И.П. Фалька, 1824; Г.И. Спасского, 1818; С.И. Гуляева, 1848; А. Принтца, 1867; Н.М. Ядринцева, 1880 и др.).

С 1950-х гг. в советской этнографии установилась так называемая троичная классификация основных типов этнических общностей «племя – народность – нация», а также различные модификации этой схемы. Позднее в научных изданиях, уже в 1960-х гг., появились труды, посвященные типологии, происхождению и динамике развития этнических общностей разного таксономического уровня (С.А. Токарев, 1964; Н.Н. Чебоксаров, 1967; В.И. Козлов, 1979; Н.Н. Чебоксаров, И.А. Чебоксарова, 1985). Интерес к развитию теории типов этнических общностей в то время в значительной степени подогревался стремлением рассматривать эти общности в рамках историко-стадиального подхода, с характерной для него привязкой к большому историческим эпохам, социально-экономическим формациям [1, с. 101–125]. По той же причине в литературе мало уделялось внимания внутренней дифференциации народов и наций и, следовательно, развитию синхронного направления. Поэтому первые попытки осмыслить этнические общности, их различные категории или порядки некоторыми советскими учеными стали предприниматься позднее. Общности таксономически высокого порядка было предложено называть *этнолингвистическими*, более низкого – *этнографическими* [2, с. 96]. В.И. Козлов вместе с тем справедливо считал, что еще не разработаны единые принципы выделения микроэтнических единиц, поэтому «классификация этносов по степени внутренней этнографической дробности крайне затруднительна» [3, с. 12].

Одними из первых и наиболее весомых разработок, которые легли в основу современного понимания природы этих групп, создания терминологии, были труды Ю.В. Бромлея 1980-х гг. [4; 5]. Ученый считал нужным показать классификационные различия между этническими и этнографическими общностями (группами), которые видел в наличии группового самосознания у первых и отсутствии такового у вторых. Он выделил условия, при которых возможно появление субэтносов и этнографических групп, подчеркнул динамичность тех и других [4, с. 48, 49].

Бросая взгляд из сегодняшнего дня, становится очевидным общий характерный для указанных работ того времени недоучет влияния фактора религии при формировании микроэтнических общностей. Так, в известной работе С.А. Токарева говорится о том, что религиозный признак с ходом исторического развития нарастает, а затем убывает [6, с. 45], что весьма нехарактерно для старообрядческих этнографических групп как прошлого, так и настоящего.

Неудовлетворенность существовавшей типологией этнических общностей на разных этапах развития человечества вызвала ряд критических статей в прессе (С.А. Токарев, 1964; Н.Н. Чебоксаров, 1967; В.И. Козлов, 1979) [2, с. 94–109; 3, с. 5–23; 6, с. 43–53]. В 1986 г. на страницах журнала «Советская этнография» развернулась дискуссия по поводу типологии исторических типов этнических общностей, которая была начата М.В. Крюковым [7, с. 58–69] и продолжена А.И. Першицем, Ю.И. Семеновым, С.А. Арутюновым, В.И. Козловым, Г.Е. Марковым [8, с. 151–155; 9, с. 69–72; 10, с. 12–22; 11, с. 69–73]. С.А. Арутюнов предложил подходить к типологии этносов с точки зрения интенсивности синхронных и диахронных коммуникативных информационных связей (инфосвязей). Признавая, что определить плотность инфосвязей не только абсолютно, но и даже относительно весьма сложно, он попытался построить «классификационное двухмерное пространство на основе двух переменных – плотности синхронной и диахронной информации, на котором найдут свое место любые реальные этнические общности прошлого и настоящего» [12, с. 59, 63]. Ввиду необходимости обсудить назревшие теоретические проблемы, связанные с генезисом, историческим развитием и функционированием подразделений этноса, была организована конференция «Этнические и этнографические группы в СССР и их роль в современных этнокультурных процессах», в которой приняли участие Р.Г. Кузеев, В.Я. Бабенко, А.М. Решетов, И.С. Гурвич и др. (Уфа, 1989) [8].

Если в середине XX в. советские авторы-этнографы указывали на неразработанность в зарубежной этнографической науке проблем классификации этнических общностей и их подразделений, то в настоящее время вопросы о существовании и самоидентичности этнических групп являются здесь весьма актуальными. Исследование групп мигрантов Нового Света, подвергшихся аккультурации, в форме интеграции и ассимиляции, дало основание западным специалистам отрицать объективность самого существования этноса и этнических процессов, ставя объектом изучения этничность и этнические группы, которые порой считаются тождественными понятиями [13, с. 12]. Можно согласиться с мнением польского этнолога А. Посерн-Зелинского о том, что синонимия этничности с этнической группой и с этнической идентичностью мешает установлению ее истинного места и роли в социуме [14, с. 7].

До сих пор проблема типологии внутренних подразделений этнических общностей стоит в ряду острых проблем в теории этнографической науки. В современной российской этнографической литературе под этнической *identity*, которая на русский язык переводится как «идентичность», понимается этническое самосознание, самобытность, ощущение принадлежности к определенной группе, ощущение различий с «другими» и пр. Принципиальное положение В.А. Тишкова относительно природы этничности со-

стоит в понимании последней как формы социальной организации культурных различий. Этнические общности определяются, прежде всего, по тем характеристикам, которые сами члены группы считают для себя значимыми. Причем автором признается множественность и не взаимоисключающая природа этнической идентичности. Значимость признаков может быть навязанной извне: члены группы считают своими черты, посредством которых их характеризуют представители внешнего окружения [15, с. 229–233; 16, с. 136]. Этническая идентичность обостряется в условиях конфронтации или даже просто контакта с иноэтничными общностями [17, с. 255]. Этноним-самоназвание народа справедливо признан самым ярким проявлением этнического самосознания [18, с. 32]. Аналогичные взгляды о том, что этническое сознание есть универсальная потенциальная возможность, были высказаны некоторыми зарубежными антропологами. При таком подходе этничность не есть «вещь» в себе (или для себя), но являет собой некую имманентную способность, принимающую выраженную форму в ответ на внешнее воздействие. Появляется ряд работ, в которых группируются, анализируются современные подходы к проблемам «этничности» (например, в рамках дискуссии о «примордиализме» и «конструктивизме») [19, с. 40–42].

В развернувшемся в начале 2000-х гг. обсуждении на страницах «Этнографического обозрения» И.Ю. Зариновым была высказана мысль о том, что таксономические уровни этничности, или степень этнических связей, служат единственной основой для вычленения типов этнических общностей, одной из которых является сам этнос [20, с. 12]. Этногенетические процессы, по предположению того же автора, протекали в направлении к более тесным этногенетическим связям – от суперэтнических образований к мелким этнографическим группам: именно таким образом возникли этносы, которые, в свою очередь, способны делиться на более мелкие этнические подразделения – субэтносы и этнографические группы [20, с. 12–13]. Что касается этнической группы, то ее нельзя рассматривать в качестве одного из типов этнической общности, поскольку она является «сколом» каждого из перечисленных подразделений. Была предложена корреляция разных уровней этнического самосознания и этнических общностей – от самого слабого у представителей суперэтноса до наиболее развитого в этнографической группе [20, с. 13]. В свете сказанного И.Ю. Зариновым предложена формулировка понимания этничности как групповой идентичности, базирующейся на признании отдельными индивидами реликтов своей культуры, чаще всего на мифологическом уровне [20, с. 5].

В западной литературе активизировались дискуссии по поводу понятий «этнос/народ», «этничность», которые рассматриваются как взаимно противоположные категории. По мнению же ряда российских ученых, коренные этнологические понятия «этнос» и «этничность» вполне уживаются

вместе. Этничность, по справедливому замечанию С.Е. Рыбакова, будучи имманентным качеством человека, в исторической перспективе раскрывается все же на определенном этапе его социального развития, когда общность, основанная на родовых связях, в процессе естественного популяционного разрастания постепенно превращается в общность, скрепленную осознанием его членами единого происхождения, ощущением неповторимости и исключительности своей самости через только им присущие обычаи и обряды [21, с. 11–12].

В основе общности этнографической группы, как и этноса в целом, лежат комплексные представления о «своих» и «чужих», которые включают общность происхождения и судеб, культурно-бытовых особенностей, вероисповедания (в данном случае не указываем на общность территории, языка, что само собой разумеется) [22, с. 35–36]. Не поставленной и, естественно, не решенной на сегодня проблемой является выяснение критерия, согласно которому каждая этнографическая группа идентифицирует и сохраняет себя, а также обозначает символические «границы» разделения. До сих пор четко не выяснены и не идентифицированы степени этничности, тезаурус целого ряда микроэтнических общностей, не выяснены вопросы сходства и различия таксономически разных этнографических групп. Можно также констатировать, что пока не нашли должного освещения вопросы механизмов эволюции и трансформации культур групп-мигрантов по отношению к исходной модели (первичной). Решение многих из указанных выше проблем так или иначе связано с коренными задачами этнографической науки: природы происхождения и сущности формаций «этноса» и его микро- и макроподразделений, «этничности», «идентичности» и т. п.

Свой вклад в обоснование типов этнографических групп внесли физические антропологи. Региональные антропологические типы русских на основании изучения географических вариаций признаков выделены В.В. Бунаком и впоследствии подтверждены В.П. Алексеевым в процессе анализа краниологических материалов XVI–XVII вв. [23, с. 61]. Антропологи исследовали русских старожилов Сибири в зависимости от географического принципа расселения (ангарская, енисейская, туруханская, олонская и другие группы), но с выделением отдельных компактных групп, в основе своей старообрядцев (бухтарминских кержаков, поляков, семейских Забайкалья, каменщиков Алтая). В выявленных этнографами группах старообрядцев обнаружены признаки морфологического сходства с жителями тех областей России, откуда пришли их предки [24, с. 106, 118–119]. Отдельно исследователями выделены в большей или в меньшей степени смешанные с местными сибирскими народами ангарская группа старожилов, группы олонских (читинских), кударинских казаков, проживание которых связано с Восточной Сибирью [24, с. 72, 76–77].

К настоящему времени в результате многолетних полевых исследований 1977–2002 гг. автором сделано описание ряда этнографических групп Западной Сибири. В ряде опубликованных работ были намечены и обоснованы различные этнографические подразделения сибиряков, проведен сравнительно-исторический анализ особенностей их культуры. Своеобразные экза- и эндоэтнонимы этих групп, как правило, связаны с их происхождением, исторической родиной, отражают события исторического прошлого. Как показали исследования, абсолютное большинство этнографических групп западносибирского региона в большей или меньшей степени обладают элементами самосознания. Таким образом, если *этнографическая* (вар.: *этнокультурная*) группа характеризуется присущими ей культурно-бытовыми особенностями, то имеет место и самоидентичность представителей этой группы. Соглашаясь с тем, что максимально выраженное этническое / групповое самосознание характерно именно для этнографической группы, необходимо, на наш взгляд, к этому добавить географический фактор, так как компактные этнографические группы обладают более высоким самосознанием, чем дисперсные, или рассеянные (например, ср. компактных «поляков», семейских, «курганов» и рассеянных «чалдонов»). Самосознание старожильческих групп первой трети XX в. являлось многоуровневым, сочетавшим принадлежность к единой общности «сибиряков» и одновременно к конкретным этнографическим группам. Можно указать на сходные выводы антропологов, которые свидетельствуют о том, что, несмотря на происхождение из разных мест, «общность сибиряков характеризуется некоторыми общими чертами» [24, с. 119].

Украинцы и белорусы Западной Сибири ни в период поселения начала XX в., ни в более позднее время не представляли собой организованной общности, способной к политической или другой мобилизации. Более того, различия между черниговскими и киевскими, полтавскими и гродненскими, могилевскими и минскими переселенцами были весьма заметны, как и у представителей русских этнографических групп. До 1930-х гг. старожили и переселенцы представляли собой *этнографические* общности, характеризующиеся особенностями культур и языков, диалектов (чем отличались от проживавших в иноязычном, инокультурном окружении *этнических* групп).

Типология этнографических групп Западной Сибири должна носить «сущностный» характер, опираться на их происхождение, закономерности образования, расселения, учитывать бытующую мифологии осознания общности. Каждая конкретная этнографическая группа имеет тот культурный «стержень», вокруг которого она формировалась. Если для сибиряков-старожилов, в том числе «чалдонов», важным для обозначения своей общности было сходство культурно-бытовых черт, а также представление об общности происхождения («с Дона и Чала»), то для

старообрядческих групп на первом месте стояла приверженность староверию, что было более актуально, чем этничность (предпочтение отдавалось бракам с финноязычными староверами, мордвой, а также тюркоязычными чувашами, сибирскими аборигенами, которых крестили по своему обряду, нежели с русскими сторонниками православной церкви, не желавшими переходить в староверие). Поэтому старообрядческие группы можно называть *конфессиональными* или *конфессионально-этнографическими*, принимая во внимание условность этих терминов: и приверженцы Русской православной церкви, и русские старообрядцы относятся, конечно, к одной конфессии. Российские переселенцы конца XIX – начала XX в., как правило, селились и жили своими областными, *локальными* общностями, уличными «краями», «концами» («курскими», «рязанскими», «могилевскими», «черниговскими» и пр.). В семейных отношениях, особенно при заключении браков, они ориентировались на «своих», впрочем, как и старожильческие группы чалдонов и кержаков. С этнографами солидарны антропологи, которые считают, что все старожильческие группы пережили стадию малых демов, однако непродолжительную, так как отдельные поселения все же поддерживали связи с жителями других населенных пунктов, и даже группы старообрядцев не представляли собой изолятов [24, с. 164].

Вполне очевидно, что можно говорить о протекании взаимно противоположных процессов адаптации: с одной стороны, вновь прибывшее европейское население стремилось как можно быстрее влиться в старожильческий массив, надеясь скорее приспособиться к жизни в Сибири. С другой стороны, естественным было сохранение существовавших общностей с общим культурно-бытовым укладом. Последнее объясняет тот хорошо наблюдавшийся этнографами факт, что материальная культура российских переселенцев подверглась значительным изменениям, в то время как духовная культура – календарные обычаи, фольклор – долго хранила и сохраняет до сих пор специфические черты.

Этнокультурная ситуация Западной Сибири наилучшим образом подходит для исследования природы и свойств таксономически низких подразделений этносов, а будущие исследования могут выявить изменения в сохранившихся этнографических группах, открыть новые локальные и конфессиональные общности старожилов и переселенцев.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арский И.В. Вопрос о формировании национальностей в Западной Европе // Ученые записки ЛГУ. Серия исторических наук. 1941. № 12. С. 101–125.
2. Чебоксаров Н.Н. Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых // СЭ. 1967. № 4. С. 94–109.
3. Козлов В.И. О классификации этнических общностей (состояние вопроса) // Исследования по общей этнографии. М.: Наука, 1979. С. 5–23.
4. Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии. М.: Наука, 1981. 389 с.

5. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. 411 с.
6. Токарев С.А. Проблема типов этнических общностей (к методологическим проблемам этнографии) // Вопросы философии. 1964. № 11. С. 43–53.
7. Крюков М.В. Еще раз об исторических типах этнических общностей // СЭ. 1986. № 3. С. 58–69.
8. Ковязин С.А. Конференция «Этнические и этнографические группы в СССР и их роль в современных этнокультурных процессах» // СЭ. 1990. № 4. С. 151–155.
9. Марков Г.Е. Этнические общности как историческая категория // СЭ. 1986. № 4. С. 69–72.
10. Перишц А.И., Смирнова Я.С. Общественный быт как предмет этнографического изучения (в связи с компонентным анализом культуры) // СЭ. 1986. № 5. С. 12–22.
11. Перишц А.И. Этнические общности и формационный процесс // СЭ. 1986. № 3. С. 69–73.
12. Арутюнов С.А. Классификационное пространство этнической типологии // СЭ. 1986. № 4. С. 58–64.
13. Конструирование этничности. Этнические общины Санкт-Петербурга. СПб.: Изд-во Дмитрий Буланин, 1998. 301 с.
14. Posern-Zieliński A. Koncepcje etniczności studiach etnicznych // Lud. 1979. T. 63. S. 1–17.
15. Тишков В.А. Этнология и политика. М., 2001. 240 с.
16. Малахов В.С. Новое в междисциплинарных исследованиях // Общественные науки и современность. 2002. № 5. С. 131–140.
17. Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М.: Наука, 1982. 357 с.
18. Чвырь Л.А. Заметки об этническом самосознании уйгуров // ЭО. 1994. № 3. С. 31–40.
19. Комаров Д.Ж. Национальность, этничность, современность: политика самоосознания в конце XX в. // Этничность и власть в полиэтничных государствах. М., 1994. С. 35–68.
20. Заринов И.Ю. Социум – этнос – этничность – нация – национализм // ЭО. 2002. № 1. С. 3–30.
21. Рыбаков С.Е. О методологии исследования этнических феноменов // ЭО. 2000. № 5. С. 5–15.
22. Фурсова Е.Ф. Этнокультурные группы россиян Приобья: старожилы и переселенцы // Проблемы культурогенеза и культурное наследие. Материалы к конференции. СПб., 1993. С. 35–36.
23. Русские. М.: Наука, 1997. 828 с.
24. Русские старожилы Сибири. Историко-антропологический очерк. М.: Наука, 1973. 189 с.

REFERENCES

1. Arski I.V. Question about formation of nationalities in Western Europe. *Uchenye zapiski LGU. Serija istoricheskikh nauk.* 1941, N 12, S. 101–125. (In Russ.)
2. Cheboksarov N.N. Problems of typology of ethnic communities in works of the Soviet scientists. *Sovetskaja jetnografija.* 1967, № 4, S. 94–109. (In Russ.)
3. Kozlov V.I. About classification of ethnic communities (condition of a question). *Issledovanija po obshhej jetnografii.* M.: Nauka, 1979, pp. 5–23. (In Russ.)
4. Bromlyu Yu.V. Modern problems of ethnography. M.: Science, 1981. 389 p. (In Russ.)
5. Bromlyu Yu.V. Sketches of the theory of ethnos. M.: Science, 1983. 411 p. (In Russ.)
6. Tokarev S. A. Problem of types of ethnic communities (to methodological problems of ethnography). *Voprosy filosofii.* 1964, N 11, pp. 43–53. (In Russ.)
7. Krukov M.V. Once again about historical types of ethnic communities. *Sovetskaja jetnografija.* 1986, N 3, pp. 58–69. (In Russ.)
8. Kovyazin S.A. «Ethnic and Ethnographic Groups to the USSR and Their Role in Modern Ethnocultural Processes» conference. *Sovetskaja jetnografija.* 1990, N 4, pp. 151–155. (In Russ.)
9. Markov G.E. Ethnic communities as historical category. *Sovetskaja jetnografija.* 1986, N 4, pp. 69–72. (In Russ.)
10. Pershits A.I., Smirnova Ya.S. Public life as a subject of ethnographic studying (in connection with the component analysis of culture). *Sovetskaja jetnografija.* 1986, N 5, pp. 12–22. (In Russ.)
11. Pershits A.I. Ethnic communities and formational process. *Sovetskaja jetnografija.* 1986, N 3, pp. 69–73. (In Russ.)
12. Arutyunov S.A. Classification space of ethnic typology. *Sovetskaja jetnografija.* 1986, N 4, pp. 58–64. (In Russ.)
13. Ethnicity designing. Ethnic communities of St. Petersburg. SPb.: Publishing house Dmitry Bulanin, 1998. 301 p. (In Russ.)
14. Posern-Zieliński A. Koncepcje etniczności studiach etnicznych. *Lud.* 1979, T. 63. 17 p. (In Russ.)
15. Tishkov V.A. Etnologiya and policy. M., 2001. 240 p. (In Russ.)
16. Malakhov V.S. Novoye (news) in interdisciplinary researches. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'.* 2002. N 5. pp. 131–140. (In Russ.)
17. Development of ethnic consciousness of the Slavic people during an era of the early Middle Ages. M.: Science, 1982. 357 p. (In Russ.)
18. Chvyr L.A. Notes about ethnic consciousness of Uyghurs. *Jetnograficheskoe obozrenie.* 1994. N 3. pp. 31–40. (In Russ.)
19. Komaroff Dzh. Nationality, ethnicity, present: policy of self-understanding at the end of the XX century. *Jetnichnost' i vlast' v polijetnichnyh gosudarstvah.* M., 1994. pp. 35–68. (In Russ.)
20. Sarins I.Yu. Society – ethnos – ethnicity – the nation – nationalism. *Jetnograficheskoe obozrenie.* 2002. N 1. pp. 3–30. (In Russ.)
21. Rybakov S.E. About methodology of research of ethnic phenomena. *Jetnograficheskoe obozrenie.* 2000. N 5. pp. 5–15. (In Russ.)
22. Fursova E.F. Ethnocultural groups of Russians of Priobya: old residents and immigrants. *Problemy kul'turogenеза i kul'turnoe nasledie. Materialy k konferencii.* SPb., 1993. pp. 35–36. (In Russ.)
23. Russians. M.: Science, 1997, 828 p. (In Russ.)
24. Russian old residents of Siberia. Historical and anthropological sketch. M.: Science, 1973, 189 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 27.03.2015